

Валерий Бондаренко

ЮНОСТЬ
ДЛИНОЮ
В СТО ● ЛЕТ

Читаем про себя.
Молодежь в литературе XX–XXI вв.

Валерий Валерьевич Бондаренко
Юность длиною в сто лет.
Читаем про себя. Молодежь
в литературе XX-XXI вв.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25021639

*Юность длиною в сто лет. Читаем про себя. Молодежь в литературе
XX-XXI вв.: Российская государственная библиотека для молодежи;
Москва; 2016
ISBN 978-5-9907057-3-9*

Аннотация

Книга ориентирует читателя в отечественной и зарубежной литературе о молодежи XX–XXI вв. Мы отобрали лишь самые знаковые произведения первого ряда. Книга состоит из двух больших глав: «Мы» и «Они». Внутри каждой главы установлена хронология разделов, в целом соответствующая принятой в истории 20 века. Каждый раздел открывается сжатым обзором основных тенденций в молодежной культуре данной эпохи, очерки о книгах следуют преимущественно в хронологическом порядке, что, однако, не исключает общего тона непринужденной беседы. Очерк о конкретной книге содержит краткий рассказ о произведении, значимые цитаты из него и сведения об экранизациях. Отбор материалов завершён 1 марта 2016 года.

В конце имеется Предметно-тематический и именной указатель, который поможет отобрать произведения по конкретным темам, интересующим читателей и руководителей чтения.

Содержание

Предисловие	6
От автора	9
Мы	11
Мы: 1920-30-е годы	13
Революция и жизнь «обывателя»	15
Пекло гражданской войны	20
Разлом эпох – надлом судьбы	24
Сегодня смерть во имя «завтра»...	32
Вместе, но разные навсегда...	37
Герой революционного времени	42
Становление «советского характера»	46
«Советский характер» в действии	50
О великой утопии – сквозь слезы и смех	55
Надежда умирает? – Последней!..	59
Тараканы, вперед!	65
Люди новой и старой России	70
Гуманно ли новое общество?	73
Новый пугающий мир	76
Котлован для Вавилонской башни	80
Есть и счастье	85
Прощай, вольница неумная!..	90
Сквозь прицел сатиры	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Валерий Бондаренко

Юность длиною в сто лет.

**Читаем про себя. Молодежь
в литературе XX–XXI вв.**

© В. В. Бондаренко, 2016

© Российская государственная библиотека для молодежи,
2016

* * *

Предисловие

Сама специфика молодежного чтения, молодежной литературы некоторыми ставится под сомнение. Странно, что эти люди не сомневаются в существовании самой молодежи... Но что уж греха таить: количественно молодых читателей и впрямь стало меньше в 90-е годы. У них тогда появились другие интересы. Однако наступили 00-е, и ныне читать у юных и молодых стало не просто модным, но и сделалось в их среде своего рода маркером серьезных социальных амбиций.

Если понимать под чтением потребление информации в учебных целях, то молодежь – пожалуй, самая читающая группа населения. Но чтение это, так сказать, вынужденное, «подневольное», социально и профессионально обусловленное. Однако наши исследования показывают: чтение для души тоже весьма популярно в годы, когда эта самая душа формируется и осознает себя. При этом круг чтения весьма (а то и пугающе) делается разнообразным.

Вот мы и решили посильно помочь читателю как-то определиться в этом круге и сориентировать его в произведениях последних ста лет, в центре которых – молодой (от 15 до 30 лет) герой. Тема книги выбрана с тем «хитрым» расчетом, что так или иначе проблемы молодежи разных поколений и стран в главном схожи. А читать о себе подобных всегда ин-

тересней, не так ли?.. В компании сверстников неизбежно получившийся урок «истории с географией» вряд ли покажется скучным...

Надо признать, пособие В. Бондаренко имеет некоторые новаторские черты. Жанр его комплексный. Он сочетает в себе беседу о книгах (точнее, это одна такая в шестьсот страниц «беседища», плюс внутри каждой главы материал расположен в логике непринужденного разговора на тему), презентацию отдельного произведения (аннотации и мини-дайджест из знаковых цитат) и Предметно-тематический и именной указатель.

Этот последний требует дополнительного пояснения. В ваших руках – своеобразный «ключ» ко всем без малого двумстам произведениям, к которым мы советуем обратиться. Он является для читателей и специалистов по молодежному чтению хорошим методическим подспорьем. Указатель имен позволяет вычлнить все произведения того или иного автора. С помощью предметно-тематического указателя легко ориентироваться в произведениях, объединенных одной темой, социальной, нравственной проблемой (антигерой времени, битники, демократия, героизм ложный и истинный, социальный протест и т. д.). Пользуясь им, преподаватели, библиотекари, критики смогут составить обзор, беседу, подготовить лекцию или занятие, а учащиеся – написать реферат или сочинение.

Фактически перед нами – «золотая полка» или ядро мо-

лодежного чтения, пусть в отдельно взятом, но важном сегменте (молодой герой в произведениях 20 –21 вв.). В. Бондаренко удалось избежать строго формального подхода, ведь в непринужденном разговоре важны суть, смысл, поэтому кроме произведений крупной формы в книгу включены несколько рассказов и даже пьес. И все это именно произведения, а не книги, поскольку за редкими исключениями они имели много переизданий и все существуют как в бумажной, так и в электронной версии.

Книга В. Бондаренко «Юность длиною в сто лет» имеет подзаголовок, поясняющий и содержание, и смысл ее: Читаем про себя. Молодежь в литературе 20 – 21 вв. Уверена: книга будет полезной и для молодых читателей, и для руководителей чтения, которым, в первую очередь и предназначен его замечательный «ключ».

И. Михнова, директор Российской государственной библиотеки для молодежи, вице-президент Российской библиотечной ассоциации, член Совета при Президенте РФ по русскому языку, кандидат педагогических наук

От автора

Эта книжка – о книгах. О книгах, посвященных молодежи, и, в общем, молодыми чаще всего написанных. Гёте сказал: «Молодежи трудно, мир развивается, а она каждый раз начинает все заново». И какая же она разная, эта молодежь! Встретясь нынешний обайфоненный товарищ с «комиссаром в пыльном шлеме» из 1920-х, – пожалуй, перепугали б друг друга. И нашли бы общий язык, отдышавшись?

Мне почему-то кажется, нашли бы. Проблемы перед ними не такие уж разные стоят. Так российская история устроена: любит бегать по кругу, и многое, казавшееся лет тридцать назад безвозвратно ушедшим, ожило вдруг сейчас или оживет на днях.

Говорят, в России надо долго жить, чтобы что-то увидеть. Вот мы и предлагаем вам с помощью этой книжки прожить этак лет девяносто, сто – и не только в России, но и на Западе.

Мы отобрали лишь лучшее и самое живое, на наш взгляд, из литературного наследия 20 века и самое «знаковое» из первых десяти – пятнадцати лет века нынешнего. Рассказ о каждой книге сопровождается цитатами из нее (чтобы сразу понять, насколько это ваше), а также справкой об экранизации.

Наша книга состоит из двух больших разделов: «Мы», то есть Россия, и «Они», то есть ясно, кто. Внутри этих разде-

лов материал разведен по эпохам – конечно же, приблизительно, и эпохи эти у нас и у «них» не слишком-то совпадают. Но с хронометром и на этом не покончено! Книги обычно следуют по времени написания, но не везде, ведь эпоха, слава богу, не всегда убивала автора на пороге зрелости. Иные и в старости вдруг острее острого вспоминали свою юность, и этот взгляд назад, с высоты прожитого, быть может, еще интересней горячего репортажа с места события... Кроме того, мы не слишком уж держались за определенный жанр. В нашем разговоре порой рассказ или пьеса кажутся более значимыми, чем повесть или роман.

Самые придирчивые из вас обратят внимание на краткий девиз в заголовке каждой рекомендации. Это так, тематический маячок, ведь наша книжка – только приглашение открыть настоящие книги или скачать их. Короче, в них погрузиться.

Ну, и уж совсем для полного серьеза мы сопроводили наше издание предметно-тематическим и именованным указателем в конце книги.

В путь?..

Мы

20 век в нашей стране начинался, как минимум, раз пять. Сперва, как и положено, с боем курантов в 1900 году. (Хотя многие журналисты доказывали тогда, что первый год нового века – следующий, 1901-й). Потом, летом 1914 года, наступил «некалендарный двадцатый век» (А. Ахматова) – началась первая мировая война, так много изменившая в сознании миллионов. В феврале 1917 года русские люди довольно дружно пели «Марсельезу», отмечая начало демократической эры в истории России – свержение самодержавия. Но войти в семью европейских демократий так и не удалось, зато в октябре 1917 года страна и впрямь вступила в совершенно вроде бы новую для всего человечества эпоху – мы стали страной победившей социалистической революции. 20 век во многом можно назвать «русским» или, точнее, «советским», поскольку первое «государство рабочих и крестьян» (так декларировалось) уже самим фактом своего существования изменило ландшафт мировой политики и неустанно перепахивало его аж до начала 90-х.

Но в 1991 году ладья истории в очередной раз перевернулась, и вот мы снова строим капитализм и вроде как демократию – теперь уже суверенную...

Нечего говорить, что многие из этих переворотов сопровождались трагедиями для миллионов и миллионов. И наша

литература, иной раз в условиях жесточайшей цензуры, отразила эти трагедии. Но не только: и надежду дарила своим читателям, и даже улыбку.

А вам будут ли интересны эти книги сейчас?

Мы: 1920-30-е годы

«Перед революцией Россия стояла на краю пропасти, а по-

сле нее страна сделала шаг вперед». Этот анекдот возник уже на исходе Советской власти, он устало пародирует клише советской пропаганды. Между тем, парадоксальна вся наша история 20 века. С одной стороны, революция и гражданская война были катастрофой для массы людей, с другой – отдаленным их результатом стало то, что в середине 20 века страна первой шагнула в космос и превратилась во вторую сверхдержаву мира. Итоги революции 1917 года подводить еще рано. Поэтому книги о событиях тех лет, о жизни наших дедов и прадедов в 20-е и 30-е гг. кажутся порой тревожно актуальными или необычайно живыми. Да объективно если – это и лучшее, что создали наши писатели в 20 веке. Это и эпопея М. Шолохова, и полное голосов эпохи повествование Артема Веселого, и героическая по существу и модернистская по форме драматургия Вс. Вишневского.

Вот почему мы решили дать выговориться здесь не только непримиримым врагам, таким, как пламенный комиссар А. Фадеев и столь же убежденный ненавистник революции М. Булгаков, но и тем, чьи взгляды с течением лет менялись (А. Платонов, В. Катаев).

Молодому нашему современнику трудно представить, что значил миф о Великом Октябре для советского человека 20 века, причем на протяжении почти столетия! Он был частью сознания нескольких поколений. Это так заметно, например, в произведениях П. Нилина и Б. Васильева. Впрочем, как и всякий миф, он прошел путь от героических песен до ска-

брезных анекдотов, что блестяще использовал В. Пелевин на излете этого мифа, уже в 90-е.

Между концом гражданской войны и первыми залпами Великой Отечественной – как раз 18 лет, возраст совершеннолетия для отдельно взятого советского гражданина. И он, этот новый советский человек со всеми своими плюсами и минусами, был выкован! Таковы молодые герои В. Каверина и Л. Леонова, А. Макаренко и Н. Огнева. Ну, а антигерои эпохи (впрочем, порой обаятельнейшие) представлены в бессмертной диалогии И. Ильфа и Е. Петрова, а также в романах А. Толстого и того же Леонова.

В СССР эпоху 20–30-х героизировали. Лишь в начале перестройки, в 80-е, к читателю стали приходиться книги о том, чем отметились 30-е годы в народной памяти негласно, но довольно стойко – о репрессиях Сталина. Этой теме посвящены произведения как участников и свидетелей тех событий (А. Рыбакова, Ю. Домбровского), так и потомков, для которых, похоже, эта тема и не изжита (З. Прилепин).

Все проблемы, которые щедро оставил нам 20 век, изживать вам, дорогие читатели!

Революция и жизнь «обывателя» М. А. Булгаков «Записки юного врача», «Морфий»

Мы начнем, так сказать, «от противного», потому что про-

тивней Булгакова литератора для Советской власти в 20-е и 30-е гг., кажется, не было. Официоз называл его типичным представителем внутренней эмиграции и классово враждебным советской действительности, что, между прочим, было абсолютнейшей правдой – хотя сейчас в позиции писателя нам видится, скорее, здравый смысл, а не обывательская «бескрылость». Цикл очерков «Записки юного врача» и тематически примыкающий к ним рассказ «Морфий» повествуют о том, как события осени 1917 года еще НЕ отразились в жизни простого российского обывателя.

Итак, дождливым сентябрьским деньком 1917 года в дальнюю земскую больницу приезжает практиковать юный выпускник медицинского факультета. Больница отлично оснащена, ее еще не коснулась разруха, но для вчерашнего студента это слабое утешение. Опыта никакого, а начинать приходится с тяжелейшей операции... Его ждет много необычайных приключений на ниве врачевания, много смешного и страшного, масса лиц пройдет перед ним. Большинству он поможет, потеряв за год только шестерых больных, а ведь в день к нему являлось до ста пациентов! О революционных событиях ни полслова... И вдруг понимаешь скрытый пафос этих увлекательных очерков: настоящая жизнь не в кровавой междоусобице, в которой, как показал опыт, у нас не было победивших. Настоящий подвиг и смысл – вот в этой каждодневной потной, каторжной борьбе со смертью за жизни конкретных людей. Юный герой «За-

писок» – по сути, питомец прежней культуры и прежних интеллигентских норм и идеалов, рядом с которыми новые революционные веяния времени выглядят (по Булгакову) отступлением от элементарной человечности.

Но возле «Записок...», удивительно добрых и бодрых, человечных и «жизненных», тенью ложится рассказ «Морфий». Те же здесь люди (с другими именами), те же время и место действия, но... История юного врача Полякова, гробящего себя наркотиками, – это ведь тоже из личного опыта автора, едва не сгубившего себя морфием. Словно чуяли люди его круга: прежнее изжито, а воздух новой эпохи сожжет их легкие...

Цитаты

«...Ну а если привезут женщину, а у нее неправильные роды? Или, предположим, больного, а у него ущемленная грыжа? Что я буду делать? Посоветуйте, будьте добры. Сорок восемь дней тому назад я кончил факультет с отличием, но отличие само по себе, а грыжа сама по себе».

«Горло поднялось из раны, фельдшер, как мелькнуло у меня в голове, сошел с ума: он стал вдруг выдирать его вон... Я поднял глаза и понял, в чем дело: фельдшер, оказывается, стал падать в обморок от духоты и, не выпуская крючка, рвал дыхательное горло».

«Они, доктор, ведь как делают. Съездит такая артистка в

больницу, выпишут ей лекарство, а она придет в деревню и всех баб угостит».

«Ах, я убедился в том, что здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен».

«Смерть от жажды райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия».

Экран откликнулся

По этим двум произведениям Булгакова снят в 2008 г. один из лучших фильмов Алексея Балабанова «Морфий» (сценарий С. Бодрова-младшего). В главных ролях: Л. Бичевин, И. Дапкунайте, А. Панин, С. Гармаш.

«Морфий», 2008 г.

**Пекло гражданской войны
Артем Веселый «Россия,
кровью умытая»**

«Сотрясаемый ураганом войны, шатался мир, от крови пьян». Так начинается бравурный и, возможно, лучше всех прочих выразивший дух времени, этот роман (1927-28 гг.) Кажется, он написан не человеком, а сложен тысячеустой молвой, навеян шквалами «эпохи перемен». Автор его – Артем Веселый (Николай Кочкуров). Он активный участник гражданской войны, причем и от чекистов сбегал, и от белых, и от «зеленых» (лютых крестьянских партизан). С марта 17-го года большевик, Николай Кочкуров в душе носил ту стихию вольной воли, которая, раз вырвавшись на свободу в год революции, так и не погасла в нем, чем, конечно, его и сгубила.

Главных героев в романе двое: солдатик Максим Кужель, которому поручено отвезти в центр урну с бюллетенями (его полк участвовал в выборах в Учредительное собрание), и анархист Иван Чернояров, который ух погулял, да и повешен был беляками. Но это лишь векторы смыслов, а главный герой – вал революции, прорвавшийся на страницы со своей божбой, руганью, мечтами и лозунгами, свирепой жестокостью, голодом, жаждой справедливости, лихостью, отвагой, похотью и корыстью. «Горы, леса, битые дороги... По хоженным дорогам, по козьим тропам несло солдат, будто мусор весенними ручьями... Поезда катились на север, гремя песнями, уханьем, свистом... Дребезжащие теплушки были насыпаны людьми под завязку, как мешки зерном».

Фронт, бунтующая деревня, глухой провинциальный городок, митинги и склоки, бои и казни... В этой кровавой каше автор чувствует себя, как рыба в воде: азартно, весело, вот что значит пассионарий! Кочкуров-Веселый расскажет, а точнее, покажет, как Кужель понял: екнулось Учредительное собрание, екнулась еще и не изведенная Россией парламентская демократия, почему и отдаст он торговке драгоценную урну с голосами, чтобы селедку в бумажки заворачивала, а сам примкнет к главной правде (по его теперь думке), к главной железной силе – к большевикам.

Судьбой Кужеля и Черноярова сюжет не исчерпывается: в книге есть замечательно страшные и бодрые очерки, где другие герои, другие эпизоды, другие судьбы. Чудовищная молодая мощь закипает в них, но бескрайней воли и ярости разрушения здесь больше, чем созидания. О такой литературе, где слились сила поэзии и сила жизненной правды, мечтал гениальный поэт-будетлянин Велимир Хлебников – литературный учитель Веселого.

Веселый не пережил сталинского террора (расстрелян в 1938 году), оставшись певцом дерзкой молодости, которая творит, не ведая страха, стыда и последствий...

Цитаты

«– Расея без власти сирота.

– Не горюй, землячок, были бы бока, а палка найдется...»

«В России революция, вся Россия на ножах».

«В вокзальном садике три толпы. В одной – играли в орлянку, в другой – убивали начальника станции, и в третьей, самой большой толпе, китайчонок показывал фокусы...»

«– Наша большевицкая партия, товарищи, дорогого стоит. У нас в партии ни одного толсторожего нет; партия без фокусов; партия рабочих, солдат и беднейших крестьян. Я вас призываю, товарищи...

– Выходит, зря голосовали мы?

– Зря, землячок.

– Как так? Не мог же целый полк маху дать?

– Вся Россия, брат, маху дала...»

«Взяли его той же ночью, вывезли на базарную площадь и повесили. До самой последней смертной минуты он обносил палачей каленым матом и харкал им в глаза. На грудь ему нацепили фанерную дощечку с жирно намалеванной надписью:

«ИВАН ЧЕРНОЯРОВ. БАНДИТ И ВРАГ РУССКОГО НАРОДА»... – Да, почудили! – искорно вырвался у Максима вздох. – Удалая голова перестала баловать... Приподыдем, братцы, наши чарки да помянем казака!»

«– Партии – говорит, – все к революции клонятся, да у каждой своя ухватка и выпляс свой... Эсеры, лярвы, хорошая партия; меньшевики, гады, не плохи; ну а большевики, стервы, всех лучше...»

Разлом эпох – надлом судьбы

М. А. Шолохов «Тихий Дон»

Пути явления к нам гениального произведения предугадать невозможно. Кто бы мог допустить, что главную книгу о гражданской войне в России напишет скромный «казачок» (правда, побывавший в гимназии), да еще засядет за нее в 20 лет! Понадобились кропотливые экспертизы, чтобы доказать: да, автор «Тихого Дона» – житель станицы Вёшенская Михаил Шолохов.

И собственно, этот молодой тогда, невысокий человек, любитель побалагурить и выпить, совместил в своем шедевре историческую эпопею сродни «Войне и миру» и любовную драму, накалом чувств не уступающую «Анне Карениной». А главное, доказал, что простые люди, крестьяне и казаки, ничуть не меньше способны на глубокие душевные переживания и масштабные духовные поиски, чем рафинированные герои русской классики 19-го столетия. Именно в этом было главное открытие Шолохова.

В литературу явился новый герой – причем герой, для Советской власти не слишком удобный, ведь центральный персонаж романа Григорий Мелехов мечется между красными и белыми, не примкнув, по сути, ни к кому. *Человек не может быть исчерпан доктриной* – важнейший негласный вывод, который делают читатели «Тихого Дона». Вывод столь

же очевидный, сколь и опасный в те времена, когда роман создавался (1926 – 39 гг.) Недаром «вожак» советских писателей А. Фадеев заявлял: Григорий должен или стать «нашим», или произведение нельзя печатать. Сталин рассудил тоньше, защитив роман и обласкав его автора: для блеска его империи нужны были подлинны гении и бесспорные шедевры. Впрочем, издания 1953 – 85 гг. подверглись жесточайшей цензуре. Неудобные и неприятные для Советской власти моменты в них были безжалостно вырублены, а значит, утратилась глубина и масштаб произведения, его сложность.

Восстановить свою авторскую волю Шолохову при жизни не удалось. Так что главный наш совет вам: ищите издания после 1985 года!

Итак, кратко о романе. Большая часть действия разворачивается в хуторе Татарском станицы Вёшенской примерно между 1912 и 1922 годами. Начинается книга как семейная сага: молодой казак Гришка Мелехов крутит роман с замужней казачкой Аксиньей. Жизнь ее тяжела: в детстве ее изнасиловал отец, над Аксиньей издевается муж. Григорий не до конца пока способен понять глубину чувства пострадавшей женщины.

Родные насильно женят Григория, а после он идет служить. Начавшаяся первая мировая война, затем революция будут разлучать и снова сводить главных героев. Григорий побывает и царским офицером, и красным командиром, и вожаком белых повстанцев, и членом банды. Он растеряет

почти всех родных, его дети будут воспитываться в доме сестры – жены злейшего врага Мелехова. На последних страницах романа Григорий потеряет свою Аксинью и вернется в родной дом, так и не дождавшись обещанной к Первому Мая амнистии. Иллюзий насчет будущего ни он, ни его автор не питают: скорей всего, Григория ждет расстрел.

Шолохов уместил в два тома не менее 883 персонажей, из них около 251 – подлинные исторические лица.

Великий роман, великие страсти, великие характеры! А вывод? Сталин посчитал в свое время, что вывод один: Советская власть побеждает даже самых ярких и сильных своих противников. Но этот вывод вовремя подсказал ему лукавый Шолохов. Мы же свободней от идеологических клише – и, наверно, ближе к истинному мнению автора и к объективному смыслу романа: см. в начале абзаца наш пассаж о сложности человека и плоскости всякой доктрины...

Цитаты

«А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожение себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались; испугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались, нравственно искалеченные. Это называли подвигом».

«И вот сроду люди так, – думал Григорий, выходя из го-

ренки. – Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за бога хорониться».

«Жил и все испытал я за отжитое время. Баб и девок перелюбил, на хороших конях эх!.. потоптал степя, отцовством радовался и людей убивал, сам на смерть ходил, на синее небо красовался. Что же новое покажет мне жизнь? Нету нового! Можно и помереть. Не страшно. И в войну можно играть без риску, как богатому. Невелик проигрыш!»

«Зачем металась душа, – как зафлаженный на облове волк, – в поисках выхода, в разрешении противоречий? Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой. Теперь ему уже казалось, что извечно не было в ней такой правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: у каждого своя правда, своя борозда. За кусок хлеба, за делянку земли, за право на жизнь всегда боролись люди и будут бороться, пока светит им солнце, пока теплая сочится по жилам кровь».

«Хоронил он свою Аксинью при ярком утреннем свете... Он попрощался с нею, твердо веря, что расстаются они ненадолго...

В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория, скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно

сияющий черный диск солнца».

Экран откликнулся

Первая экранизация – немой кинофильм 1930 года «Тихий Дон» производства СССР. Фильм озвучен в 1933 г. Режиссеры Ольга Преображенская, Иван Правов. В главных ролях А. Абрикосов, Э. Цесарская. В основе – первые две книги романа.

Классическая советская версия – «Тихий Дон», 1958 г. 4-серийный фильм Сергея Герасимова. В главных ролях: П. Глебов, Э. Быстрицкая. Фильм заслуженно популярен, хотя сам Шолохов считал, что смысл романа упрощен в нем в угоду советской идеологии.

«Тихий Дон» – телевизионный фильм (7 серий) 2006 г., экранизация одноименного романа М. Шолохова, режиссер Сергей Бондарчук (монтаж Федора Бондарчука). Совместная работа СССР (России), Великобритании и Италии. Существует также кинотеатральная версия, принадлежащая компании International Cinema Company, которая вышла в европейский прокат. В главных ролях: Р. Эверетт, Д. Форест. Большого признания эта версия у наших телезрителей не получила из-за образов двух главных героев, органически чуждых исполнителям этих ролей (признание самого Р. Эверетта).

В конце 2015 года вышел ТВ-сериал «Тихий Дон» Сергея

Урсуляка, который сосредоточился, главным образом, на семейной линии романа. В главных ролях: Е. Ткачук, П. Чернышова, С. Маковецкий и др.

«Тихий Дон», 1930 г.

«Тихий Дон», 1958 г.

«Тихий Дон», 2006 г.

«Тихий Дон», ТВ-сериал, 2015 г.

Сегодня смерть во имя «завтра»...

В. В. Вишневский

«Оптимистическая трагедия»

В 1933 году Всеволод Вишневский завершил второй вариант пьесы, которую с легкой руки исполнительницы главной роли, примы Камерного театра Алисы Коонен назвали «Оптимистическая трагедия». Пьеса – о моряках революционного 1918 года, о людях и времени, которым Вишневский остался верен всю жизнь. Вишневский, возможно, самый правочерный из советских литераторов (В «Мастере и Маргарите» Булгаков вывел его в образе Лавра Мстиславовича). Но писатель был дворянских кровей. В 14 лет убежал на фронт и с головой окунулся в окопную и революционную «правду жизни». Собственно, эта его большевистская партийная «правочерность» – следствие опыта погружения в революционную стихию. Из хаоса крушения – в космос новой, советской жизни, – так можно обозначить суть, смысл его главной пьесы.

Сюжет ее прост и кажется почти сюрным. На крейсер, команда которого подвержена анархистским настроениям и представляет собой, скорее, банду, является комиссар, командированный Смольным. Его задача – сделать из оравы

уоставших от войны и шалых от безнаказанности людей полк, способный сражаться с белыми. И без того трудная задача осложняется двумя обстоятельствами. Первое: комиссар – молодая женщина, которую «братва» всерьез не хочет воспринимать. Как удастся ей отстоять себя и себя же поставить – см. одну из цитат ниже. Второе обстоятельство: банда – по-своему коллектив, руководимый местным авторитетом, идейным анархистом Вожаком и его подголоском Сиплым. Конечно, большинство матросов сохраняет внешнюю самостоятельность по отношению к неформальному лидеру. Таков молодой, но бывалый моряк Алексей. И все же власть Вожака, опытного интригана-манипулятора, на корабле непререкаема. Найдет ли Комиссар – молодая женщина – общий язык с командой? Вопреки всему Комиссар смогла воспитать из этих людей настоящий революционный полк, своей смертью еще больше сплотив их, сделав еще сильнее, еще боеспособней...

Агитка, скажете вы. Да, безусловно, Вишневский очень четко, даже прямолинейно расставляет здесь смысловые акценты. Он и не прячется за ширмы «реалистической пьесы». Тесны, малы ему эти ширмы – вот почему ремарки в его трагедии развернуты порой в стихотворения в прозе. Опирался он тут на широчайший круг источников: от революционной поэзии своего времени до классиков античности. Благодаря опыту последних он вводит своеобразный «хор» в лице ведущих – как бы ставших монументами двух бойцов отряда,

которые обращаются непосредственно к потомкам.

Перед нами памятник героической эпохе, но типажи, конфликты автор брал из реальной жизни. Такие комиссарши, усмирявшие революционное море, вводившие его в берега политической целесообразности (как ее понимали большевики), известны истории. Найдите биографии Ларисы Рейснер и Александры Коллонтай.

«Оптимистическая трагедия» стала едва ли не главной, фирменной пьесой советского театрального репертуара, но, кстати, современники не сразу приняли ее. В числе критиков был и М. Горький.

Цитаты

«Второй. ...Жизнь не умирает. Люди умеют смеяться и есть пищу над могилами ближних. И это прекрасно! «Будьте бодрей! – просили бойцы, погибая. – Гляди веселей, революция!» Полк обращается, сказал я, к потомству. Он избавляет вас от поминок. Он предлагает молча подумать, постигнуть, что же, в сущности, для нас борьба и смерть».

«Алексей. ...Нет, ты мне скажи, что это теперь значит хорошо?»

Вайнонен. Ну, потом, лет через несколько...

Алексей. ...Ну, ладно, допускаю, всем будет хорошо. И тем, которых убьют?

Вайнонен. Тем будет вечная память.

Алексей. Спасибо, утешил.

Вайнонен. Это совсем не смешно, и ты дурак!.. Кто погибнет, так погибнет, черт его дери, первый раз по-человечески... А то как мясо, убоина, потроха, по две копейки шли...»

«Полуголый матрос. Н-но... У нас не шутят. (И он из люка кинулся на женщину).

Комиссар. У нас тоже.

И пуля комиссарского револьвера пробивает живот того, кто лез шутить с целой партией. Матросы шарахнулись и остановились.

Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела?.. Вот что. Когда мне понадобится, – я нормальная, здоровая женщина, – я устроюсь. Но для этого вовсе не нужно целого жеребьячьего табуна».

«Вожак... Она хорошей выделки. Вот по глазам чувствую – она поймет. В ней жилка для анархизма есть... Решительная».

«Вожак. ... вот объясни, что получается: отдаем мы свои головы? Отдаем. Но выходит странно: партия твоя... ставит людям, которые за нее головы отдают, какие-то условия. Это что же, как же? Комиссар: Очень просто. Знаем, куда и как идти... Алексей. Вы, может, нас и умирать учить будете? Комиссар. Придется – увидим».

«Вожак. Все лживые скоты. Все отравлены. Под корень всех рубить надо – в каждом старая жизнь сидит».

«Алексей ... Слушай, ведь в нас старое сидит. Сами только и ищем, где бы чего разжиться, приволочь, отхватить... Исправится ли человек? Переломит ли он себя? Этакая маленькая штучка – «мое». На этой вот штучке не споткнуться бы. Эх, будут дела».

«Всюду движение, шуршание, биение и трепет неиссякаемой жизни. Восторг поднимается в груди при виде мира, рождающего людей, плюющих в лицо застарелой лжи о страхе смерти. Пульсируют артерии. Как течение великих рек, залитых светом, как подавляющие грандиозные силы природы, страшные в своем нарастании, идут звуки, уже очищенные от мелодии, сырые, грубые, колоссальные – ревы катаклизмов и потоков жизни».

Экран откликнулся

Знаменитый, удостоенный приза Каннского фестиваля фильм режиссера Самсона Самсонова, 1963 г. В главных ролях: М. Володина, Б. Андреев, В. Тихонов, В. Санаев.

«Оптимистическая трагедия», 1963 г.

Вместе, но разные навсегда... Б. А. Лавренев «Сорок первый»

Повесть 1924 года стала главной у видного советского прозаика и драматурга Бориса Лавренева. Она – о гражданской войне. Автор знаком был с материалом не понаслышке. Сам он тогда побывал и в рядах белых, и в рядах красных, воевал в Туркестане. Собственно, туркестанские впечатле-

ния тех лет делают эту повесть такой живой, достоверной. Хотя верится в сам конфликт с трудом.

...По ледяным зимним Каракумам пробивается из окружения отряд красных. Лучший стрелок среди бойцов – 19-летняя рыбачка Марютка. Сорок белогвардейцев на счету этой «снайперши». Марютка фанатично предана революции. И еще она пишет смешные, безграмотные стихи про классовую борьбу, мечтая увидеть их когда-нибудь напечатанными. Силы отряда на исходе, крашенные в яркие краски кожаные истрепались, провиант почти прикончен. А тут еще в руки красных попадает ценный пленный – красавец гвардейский поручик Вадим Говорухо-Отрок. Доставить его в штаб командир отряда поручает Марютке и двум бойцам. Волей судьбы Марютка и пленный оказываются одни на необитаемом острове. «Робинзон Крузо»? Нет, скорее, «Ромео и Джульетта». Только полюбивших друг друга поручика и Марютку разделяет не вражда кланов, а борьба классов. Столько нежности в их отношениях – и так по-разному видят они будущее! Разное понимание жизненных ценностей и своих перспектив обернется неслучайной и яростной ссорой. Но они помирятся. И все же Говорухо-Отрок станет сорок первым на счету снайпера Марютки – да, впрочем, и она после вряд ли жива останется. «Нет повести печальнее на свете...»

Такова реальность гражданской войны.

Цитаты

«Круглая рыбачья сирота Марютка... С семилетнего возраста двенадцать годов просидела верхом на жирной от рыбьих потрохов скамье, в брезентовых негнущихся штанах, вспарывая ножом серебряно-скользкие сельдяные брюха.

А когда объявили по всем городам и селам набор добровольцев в Красную, тогда еще гвардию, воткнула вдруг Марютка нож в скамью, встала и пошла в негнущихся штанах своих записываться в красные гвардейцы».

«Стихи были разные... Между другими о Ленине.

Ленин герой наш пролетарский,

Поставим статуй твой на площади.

Ты низвергнул дворец тот царский

И стал ногою на труде».

«— Спасибо тебе, голубушка!

Марютка покраснела и отвела его руку.

— Не благодари!.. Не стоит спасибо. Что ж, по-твоему, дать человеку помирать? Зверюка я лесная или человек?

— Но ведь я кадет... Враг...

— Где уж враг? Руки поднять не можешь, какой тут враг? Судьба моя с тобой такая. Не пристрелила сразу, промахнулась... Ну, и возиться мне с тобой до скончания. На, покушай!»

«— Слушай, Маша! Как только отсюда выберемся, уедем

на Кавказ. Есть у меня там под Сухумом дачка маленькая. Заберусь туда, сяду за книги, и все к черту. Тихая жизнь, покой. Не хочу я больше правды – покоя хочу. И ты будешь учиться...

Марютка резко встала. Прощедила, как ком колючек бросила:

– Значит, ... завалиться с тобой на пуховике спариваться, пока люди за свою правду надрываются, да конфеты жрать, когда каждая конфета в кровях перепачкана? Так, что ли?..

Поручик вспыхнул, упрямо сжал тонкие губы.

– Не смей ругаться!.. Не забывайся ты... хамка!

Марютка шагнула и поднятой рукой наотмашь ударила поручика по худой, небритой щеке.

Поручик отшатнулся, затрясся, сжав кулаки. Выплюнул отрывисто:

– Счастье твое, что ты женщина! Ненавижу... Дрянь!»

«Она шлепнулась коленями в воду, попыталась приподнять мертвую, изуродованную голову и вдруг упала на труп, пачкая лицо в багровых сгустках, и завывала низким, гнетущим воем:

– Родненький мой! Что ж я наделала? Очнись, болезный мой! Синегла-азенький!

С врезавшегося в песок баркаса смотрели остолбенелые люди».

Экран откликнулся

По повести поставлено два фильма: немой 1927 г. (режиссер Яков Протазанов, в главных ролях: А. Войцик, И. Коваль-Самборский) и фильм 1956 г. (режиссер Григорий Чухрай, в главных ролях: И. Извицкая, О. Стриженов), ставший одной из культовых лент «оттепели».

«Сорок первый», 1956 г.

Герой революционного времени

А. А. Фадеев «Разгром»

В 4 года Александр Фадеев самостоятельно научился читать, в 18 ушел на фронты гражданской войны (жил он тогда на Дальнем Востоке), а в 25 лет написал свой лучший роман, который сделал его классиком молодой советской литературы. И если вы хотите представить себе, что такое советский роман и как выковывался фирменный «советский характер» – прочтите «Разгром» Фадеева. Роман 1925 – 26 гг., в отличие от многих позднейших текстов Фадеева, живой и поныне. И очень острый.

Свою книгу Фадеев сначала хотел назвать «Враги». Потому что для него самым важным была здесь даже не история про красный партизанский отряд Левинсона, который сражается с белыми и японцами и с огромными потерями вырывается из окружения. Главным для автора было противостояние двух типов личности: человека пусть и диковатого, но с сильным и добрым характером, «бойца» (таков здесь шахтер-партизан Морозка, герой времени) – и «нюни», который всегда склонен к предательству (это, совершенно в духе революционной идеологии, представитель «гнилой интеллигенции» Мечик). А если между ними встала женщина, и женщина любит зачем-то «нюню»... Чем не гражданская война в отдельно взятом любовном треугольнике?

Логика любой гражданской войны жестока, это схватка и характеров, и жизненных философий, даже если сами герои философию не учили. Автор воспринимает своего героя Морозку и его товарищей именно так: они вносят в жизнь

новое, пока корявое, но, безусловно, здоровое и честное, справедливое начало, и ощущение своей праведности делает их героями. Прежняя же культура с ее мягкотелым интеллигентским гуманизмом-либерализмом казалась автору изжившей себя. И в этом плане Фадеев в чем-то продолжает поэму Блока «Двенадцать».

Цитаты

«Морозка не любил чистеньких людей. В его жизненной практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить».

«С каждым его шагом чувство виновности в Мечике росло, радость улетучивалась, он смотрел на Морозку малодушными, уходящими внутрь глазами и не мог оторваться».

«— Совесть моя где?! — кричал Морозка в ответ на вопрос Мечика, где у него совесть. — Вот она где, совесть — вот, вот! — рубил он с остервенением, делая неприличные жесты».

«Мне ничего, ничего не нужно, — думала она, сразу повеселев, — лишь бы он только хотел и любил меня, лишь бы он возле был...»

«Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и землю... — и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Экран откликнулся

В 1931 г. вышел фильм «Разгром» режиссера Николая Береснева. В главных ролях: И. Юдин, П. Савин.

В 1958 г. был снят фильм «Юность наших отцов», в его основе – роман Фадеева. Режиссеры: Михаил Калик, Борис Рыцарев. В главных ролях: Г. Юматов, И. Выходцева, Н. Крючков.

«Юность наших отцов», 1958 г.

Становление «советского характера»

А. П. Гайдар «Школа»

В этой повести 1929 года один главный герой: Борька Гориков. На протяжении трехсот страниц он проживает как бы три эпохи своей жизни. Сперва это ученик реального училища города Арзамаса, и игры у него вполне пока детские в мире сонного захолустного «царизма». Но вот начинается первая мировая, вот является отец с фронта, да еще самовольно (он дезертир), вот в руки к Бориске попадает настоящий маузер. История окунает Бориску в щелочь и кислоту жестоких проблем. Правда, он еще играет, он еще азартен и весел. Но гибнет отец, рушится старый мир (царя свергли), и перед нами новый человек, мечущийся среди хаоса взрослых событий, идей, впечатлений...

Самая интересная часть повести – третья, «Фронт». 15-летний Гориков убегает на фронт гражданской войны, прибавается к отряду красных. Здесь для него наступает настоящая школа: случайная встреча оборачивается смертельной схваткой, боевое товарищество – собственным предательством невзначай. В итоге Гориков, как бы «сын полка», становится почти изгоем, потому что захватывающие приключения здесь – каждое со своим очень сложным смыслом, выводом, который не всегда удается сделать верно и вовремя. Это школа гражданской войны, курс обучения в кото-

рой оплачен кровью и жизнью. Известен такой эпизод: после приема новых бойцов в ряды красных был сыгран похоронный марш в знак того, что каждого мог ждать скорый конец. Это не из повести, кстати, – это из жизни.

В конце повести мы видим третьего, возмужавшего Горикова, но его вступление в партию не есть знак прощения за прошлые проступки, этим он лишь подписывается на продолжение экзамена на мужество. «Школой мужества» назван советский фильм по гайдаровской повести. Пафосно, но точно.

И еще: этот текст довольно автобиографичен, сложный, неоднозначный характер героя – во многом альтер эго автора – угадывается. До сих пор спорят историки, каким был на фронтах гражданской войны Аркадий Голиков (настоящая фамилия Гайдара): беззаветным бойцом или кровавым палачом? Стать командиром полка в 17 лет – у кого голова не закружится, кто не оступится тысячу раз при этом?..

Современный писатель Михаил Елизаров защищает Гайдара. В своем этюде о Гайдаре он не только довольно убедительно возражает обвинителям своего героя, но и делает вывод из всего его творчества: «Стоя на страже впечатлительной детской души, он просто учил жить так, чтобы не бояться смерти... Буквенно-генетический код всех гайдаровских текстов: «Не бойся!» (М. Елизаров, На страже детской души. В кн.: Литературная матрица. Советская Атлантида, сс. 34, 35).

Цитаты

«Забегали, закружились красноармейцы. Казалось, никакому командиру не удастся привести в порядок эту взбужденную массу. Никто не дожидался приказаний, и каждый заранее знал уже, что ему делать».

«Йода у нас не жалели. На моих глазах Калугин налил до краев деревянную суповую ложку и вылил йод на широкую рваную рану Лукоянову».

«А теперь было уже не так. Теперь атмосфера разбушевавшейся ненависти, рассказы о прошлом, которого я не знал, неотплаченные обиды, накопленные веками, разожгли постепенно и меня; как горящие уголья раскаляют случайно попавший в золу железный гвоздь. И через эту глубокую чужую ненависть далекие огни «светлого царства социализма» засияли еще заманчивее и ярче».

«Из-за куста, в десяти шагах в стороне, на меня пристально смотрели глаза притаившегося там человека. Человек этот не был, очевидно, хозяином хутора, потому что сам спрятался за ветки и следил за двором. Так поглядели мы один на другого внимательно, настороженно, как два хищника, встретившихся на охоте за одной и той же добычей. Потом по молчаливому соглашению завернули подальше в чащу и подошли один к другому».

Экран откликнулся

По мотивам «Школы» и других произведений Гайдара в 1954 г. снят фильм «Школа мужества», режиссеры – Владимир Басов, Мстислав Корчагин. В ролях: Е. Харитонов, М. Бернес, В. Емельянов, М. Пуговкин, Н. Граббе и др.

«Школа мужества», 1954 г.

«Советский характер» в действии

Н. А. Островский «Как закалялась сталь»

В одном музее хранится издание этой книги, разодранное пулей. Боец носил книжку в нагрудном кармане, и она спасла ему жизнь.

Удивительное дело: культовым для нескольких поколений в нашей стране стало произведение, написанное, по сути, любителем. В нем участник гражданской войны Николай Островский, скрывший себя за героем Павкой Корчагиным, рассказал о своей жизни: о бедном детстве, о любви к девушке из другого круга, об участии в гражданской войне, о болезни, приковавшей его на многие годы к постели. И эта безыскусная история нашла отклик даже у западных интеллектуалов. «Вы составляете одно целое с вашим великим воскресшим и освобожденным народом, вы сочетаетесь с его могучей радостью и неудержимым порывом. Вы – в нем, он – в вас», – писал автору нобелевский лауреат Ромен Роллан.

Конечно, советская пропаганда сделала все, чтобы отвергнутый, было, издательством роман стал культовым в СССР. Дело, впрочем, не в одной пропаганде: жизненный путь-подвиг Павки Корчагина приняли близко к сердцу и повторили не только в нашей стране, вдохновляясь этой вроде бы скромной книгой. Книга Островского, кажется, стала первой

в 20 веке у нас, где сама жизнь «хлеще» любой писательской фантазии.

Можно и нужно делать скидку на время, на его иллюзии, ошибки и заблуждения, роман ведь написан в 1930 – 34 гг. Но магия подлинности чувства здесь на каждой странице. Может быть, она увлечет и вас.

И последнее. Новейшие исследователи обнаружили, что реальная жизнь Николая Островского отнюдь не во всем совпадает с жизнью главного героя его романа. «Как закалялась сталь» – книга, в которой автор вдохновлялся мечтой об участии более героической, чем ему выпала...

Цитаты

«Она с трудом узнала в оборванце Корчагина. В рваной истрепанной одежде и фантастической обуви, с грязным полотенцем на шее, с давно не мытым лицом стоял перед ней Павел. Только одни глаза с таким же, как прежде, незатухающим огнем. Его глаза. И вот этот оборванец, похожий на бродягу, был еще так недавно ею любим. Как все переменялось!»

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасно-

му в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее».

«Судьба книги решала судьбу Павла. Если рукопись будет разгромлена, это будут его последние сумерки. Если же неудача будет частичной... , он немедленно начнет новое наступление».

Экран откликнулся

В 1942 году книгу экранизировали. Исполнитель главной роли актер В. Перист-Петренко сразу после съемок ушел на фронт и в этом же году погиб.

В 1957 году Владимир Наумов и Александр Алов сняли фильм «Павел Корчагин», в которой главного героя сыграл В. Лановой.

В 1973 году Николай Машенко создал шестисерийный телефильм «Как закалялась сталь», в котором образ Корчагина воплотил на экране В. Конкин. Павка в исполнении Конкина отличался от прежних экранных Корчагиных большим лиризмом, романтичностью и интеллигентностью. В 1975 году под тем же названием «Как закалялась сталь» вышла также киноверсия этого фильма.

В 2000 году 20-серийный телевизионный фильм «Как закалялась сталь», снятый китайскими кинематографистами на Украине, был признан в Китае лучшим сериалом года. В

роли Корчагина снялся украинский актер А. Саминин.

«Павел Корчагин», 1957 г.

«Как закалялась сталь», 1973 г.

О великой утопии – сквозь слезы и смех А. П. Платонов «Чевенгур»

«Талантливый писатель, но – сволочь!» – начертил Сталин на полях одной из повестей Платонова. «Сволочь» – потому

что вроде как в доску свой, создатель социализма, а смотрит на жизнь новой, советской России жестче, чем враг смертельный. Точен, смачен в своей насмешке, и не поймешь, сатира ли перед тобой на Советскую власть, на ее идеологию, на ее политику, на ее деятелей и делателей – или стон и плач (сквозь смех) по утраченной, извратившейся великой вере.

«Чевенгур» – важнейшее произведение Андрея Платонова и единственный его законченный роман (1926-28 гг.) Главный герой молодой парень Саша Дванов рано остался сиротой: отец его добровольно утопился, желая изведать лучшую жизнь после смерти. На этом нерве – поисках лучшей жизни на грани смерти – выдержан весь роман. Собственно, погибнут почти все герои этого гротескного и замечательно поэтичного, энергетически перенасыщенного текста – возможно, самого сильного на русском языке в 20 веке.

На полях гражданской войны Саша Дванов встретит рыцаря революции Копенкина, платонически влюбленного в далекую немецкую революционерку Розу Люксембург, фанатика идеи Чепурного, некоего активиста Мошонкина, переименовавшего себя в Федора Достоевского (для пущей представительности), мужика, который всерьез считает себя Богом, и других необыкновенно колоритных персонажей. Кроме постоянной тени смерти и безудержного сарказма есть в романе особое свойство свежести, мечты о земном советском рае, которая осеняет все гротескные поступки героев, недаром первоначально роман назывался «Строители вес-

НЫ».

Чевенгур – городок, в котором группа энтузиастов строит коммунистический заповедник. Жители города уверены: вот-вот наступит коммунистический рай. Они отказываются трудиться, предоставляя это исключительно Солнцу, питаются подножным кормом, обобществляют жен, жестоко расправляются с «буржуазными элементами». Вся эта то уморительная, то кровавая социальная абракадабра слеплена сообразно идеям некоторых русских мыслителей=мечтателей того времени. Впрочем, дай волю Сашке Дванову, он бы и их переплюнул. «Он в душе любил неведение больше культуры: невежество – чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура – уже заросшее поле...»

Дремучее невежество и одержимость мечтой – основа не только «Чевенгурского эксперимента». Так или иначе эти свойства революционных масс проявились роковым для великих идей образом во всех странах мира, вдруг решивших в чистом поле бескультурья и вековой нищеты вырастить райский сад социальной справедливости. Еще сорок лет назад в этом эксперименте участвовало около миллиарда людей только в Китае! Платонов одним из первых расставил точки над возможными страшными «i» здесь – но тогда никого не переубедил, лишь разозлил.

Пересказывать сюжет бессмысленно. Чем кончится эксперимент Чепурного и его соратников – читайте сами.

И еще. «Чевенгур» чем-то очень похож на щедринскую

«Историю одного города». Но Салтыков-Щедрин ТОЛЬКО ненавидел и презирал своих героев, а Платонов кроме сатиры слагает про них разом элегию, оду и эпитафию, пиша и о себе, об идеалах своей юности. Максим Горький назвал «Чевенгур» «лирической сатирой» и прозорливо предрек невозможность напечатать роман в советских условиях.

Цитаты

«На трубе последней хаты сидела ласточка, которая от вида Захара Павловича влезла внутрь трубы и там, в тьме дымохода, обняла крыльями своих потомков».

«Подушки заменяли бандитам седла; оттого в бандитских отрядах была команда: по перинам! Отвечая этому, красноармейские командиры кричали на лету коней, мчавшихся вслед бандам: – Даешь подушки бабам!»

«Да что ты за гнида такая: сказано тебе от губисполкома – закончи к лету социализм! Вынь меч коммунизма, раз у нас железная дисциплина. Какой же ты Ленин тут, ты советский сторож: темп разрухи только задерживаешь, пагубная душа!»

«В ту же ночь он со страстью изрубил кулака, по наущению которого месяц назад мужики распороли агенту по подразверстке живот и набили туда проса. Агент потом долго валялся на площади у церкви, пока куры не выклевали из его живота просо по зернышку».

«Великорусское скромное небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им. В Дванове уже сложилось беспорочное убеждение, что до революции и небо и все пространства были иными – не такими милыми».

Надежда умирает? – Последней!..

М. А. Булгаков «Белая гвардия»

Расхоже мнение, что самый мистический роман в нашей литературе – «Мастер и Маргарита». Однако его персонажи кажутся загримированными актерами рядом с героями «Белой гвардии», да и жизнь накрутила куда больше мистики вокруг именно этой книги – и мистики не сочиненной, а «жизненной»! Булгаков плотно работал над романом в 1923–24 гг. Он писал о недавних событиях – 1918 годе, когда его родной Киев в течение месяца переходил из рук в руки. Сперва его оккупировали немцы и их марионетка гетман Скоропадский. Потом явились войска украинских националистов Симона Петлюры. Затем Киев оказался в руках красных.

Там, над Городом, повисли мрачные тучи декабря 18-го года, а здесь, в уютном доме Турбиных, еще сохраняется островок когдатюшних отношений, староинтеллигентского быта. Тающий островок обреченного, но дорогого сердцу Бул-

гакова прошлого. Они все молоды здесь: и Елена Турбина (24 года), и ее братья Алексей (28 лет) и Николка (17 лет), и муж Елены г-н Тальберг (около 30-ти). Их друзьям тоже не больше 30-ти, но все они понимают: прежняя жизнь, беззаботная и человеческая, кончилась – «А сейчас ждут нас всех испытания, коих мы еще не видали... И наступят они очень скоро».

Автор основывался на личных воспоминаниях. Дом семьи Турбиных – его родной дом; в прототипах героев угадываются близкие Булгакова. Вот почему персонажи здесь так полнокровны и подлинны. Но только не торопитесь с выводами! Перед нами вовсе не фото на память. Писательская фантазия перелицевала судьбы реальных людей. Прототип милого и не слишком еще мудрого, порой лопушистого юнкера Николки – младший брат писателя, который сделается в эмиграции ведущим французским бактериологом. Прототип бравого артиллериста Мышлаевского станет балетным танцовщиком. А прототип хитрейшего Тальберга, который в романе бросает на произвол судьбы жену, спасая свою шкуру, будет пытан в застенках НКВД и получит биографию настоящей жертвы сталинизма, дожив, впрочем, до 1968 года.

Симпатии автора безоговорочно на стороне «белых». Он и сам настаивал: «...в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране». Советские критики обвиняли Булгакова в контрреволюционных настроениях. Белоэмигранты осудили

за то, что писатель – в соответствии с исторической правдой – увидел силу на стороне большевиков. За Булгакова вступился сам Сталин: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, – значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь». Кстати, пьесу «Дни Турбиных» по роману «Белая гвардия» Сталин посмотрел 28 раз!

Чем же привлекла вождя и его подданных история семьи Турбиных? Рискну предположить: обещанием того, что «все будет хорошо», что мир, уют, человечность в отношениях между людьми возможны по-прежнему и когда-нибудь возвратятся в перепаханную революцией русскую жизнь. И что этих приятных и в общем-то беззащитных людей – семью Турбиных – история помилует, пожалует и пощадит...

Впрочем, мы говорим здесь о пьесе. Роман «Белая гвардия» в полном объеме стал доступен советским читателям лишь в 60-е гг.

Но главная тайна, главная «мистика» «Белой гвардии» в том состоит, что почти все прототипы ее героев вопреки даже и тексту романа... спаслись и нашли свое место в жизни!

Цитаты

«– Может, кончится все это когда-нибудь? Дальше-то луч-

ше будет? – неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

– Тяжкое, тяжкое время, что говорить, – пробормотал он, – но унывать-то не следует...»

«Никогда не убегайте крысьей побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, – ждите, пока к вам придут».

«Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка. До самого рассвета шелестели игорные клубы, и в них играли личности петербургские и личности городские, играли важные и гордые немецкие лейтенанты и майоры, которых русские боялись и уважали... В окнах магазинов мохнатились цветочные леса, бревнами золотистого жира висели балыки, орлами и печатями томно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау».

«– Гетмана? – переспросил полковник. – Отлично-с. Дивизион, смирно! – вдруг рявкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. – Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал, как последняя каналья и трус!.. Не позже, чем через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки...»

Штабс-капитан Студзинский совершенно неожиданно для всего дивизиона, а вероятно, и для самого себя, странным, не офицерским жестом ткнул руками в перчатках в гла-

за, причем дивизионный список упал на пол, и заплакал.

Тогда, заразившись от него, зарыдали еще многие юнкера, шеренги сразу развалились и голос Радамеса-Мышлаевского, покрывая нестройный гвалт, рывкнул трубачу:

– Юнкер Павловский! Бейте отбой!!»

«– Мать-заступница, – бормотала в огне Елена, – упрости его. Вон он. Что же тебе стоит. Пожалей нас... Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай. Вон он, вон он...»

«Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал после того, как у него деньги поперли, – подумал Николка и мысленно пофилософствовал: – Может быть, деньги мешают быть симпатичным. Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные».

Экран откликнулся

В 1976 году вышел фильм режиссера Владимира Басова «Дни Турбиных», являющийся экранизацией пьесы «Дни Турбиных», а не самого романа (пьеса и роман имеют значительные отличия). В главных ролях: А. Мягков, А. Ростокский, В. Титова, О. Басилашвили, В. Басов, В. Лановой, С. Иванов.

«Дни Турбиных», 1976 г.

Впервые собственно роман был экранизирован как 8-серийный телесериал режиссером Сергеем Снежкиным в 2012 году. Фильм содержал много спорных идеологических отступлений от оригинального текста и придуманных сценаристами сцен. Критики отмечают, что описанная Булгаковым в романе трагедия в интерпретации Снежкина превратилась в постмодернистскую комедию. В главных ролях: К. Хабенский, М. Пореченков, К. Раппопорт, С. Гармаш, С. Брюн,

Н. Ефремов, Е. Дятлов, Ф. Бондарчук.

«Белая гвардия», ТВ-сериал, 2012 г.

Тараканы, вперед!
А. Н. Толстой «Похождения
Невзорова, или Ибикус»

Поэт сказал, что свобода приходит нагая. Нет, дорогие мои, в частную, отдельно взятую жизнь революция (она же по совместительству на какой-то миг и свобода) приходит вот так: «Семен Иванович кушал утренний кофе... Вдруг – дзынь! Резко звякнуло оконное стекло, и сейчас же –

дзынь! – зазвенело, посыпалось зеркальце, висевшее сбоку постели. Семен Иванович подавился куском, ухватился за стол, выкатил глаза. Внутреннее оконное стекло треснуло мысом, в наружном была круглая дырочка от пули. Из прокисшего тумана булькали выстрелы». И вот уже посреди двора «какой-то бритый, плотный человек с крашеными баками кричал удушенным голосом: «На Екатерингофском канале лавошники околodoшного жарят заживо»».

Бедный Семен Иванович Невзоров, серенький питерский человечек, «офисный планктон», по сегодняшним меркам, еще не знает, что раскокали не стекло, а всю его жизнь! Точней, это был первый почти смертельный для него залп в честь будущего Невзоровского успеха. Повесть 1924 года «красный граф» Алексей Толстой пишет по живым впечатлениям только что пережитого, и это чувствуется в каждой строке, в каждой детали. Позже в эпопее «Хождение по мукам» он сам отсеет иные неудобные подробности эпохи, а пока творит непринужденно, без оглядки на советскую цензуру. Семен Иванович Невзоров последовательно станет убийцей, самозванным «графом», помещиком, спекулянтом, кассиром у бандитов, агентом белой контрразведки, киллером, сутенером, кабареточным шансонье и, наконец, откроет настоящее дело: организует тотализатор тараканьих бегов в Стамбуле, уже в эмиграции.

Тут-то к нему и придет успех, деньги, да какие! А с ними и Наполеоновы планы на будущее: «Первое: он открыва-

ет в Перу (фешенебельный район Стамбула, – В. Б.) шикарный интимный ресторан с тараканьими бегами и отдельными кабинетами. Для особо избранных будет аристократический салон... В салоне – изысканное кабаре из нестерпимо пикантных номеров. Второе: женитьба на миллионерше... Третье:... Он законодатель мод, он рычаг политики, ...он – злой гений биржи... Четвертое: он встает во главе священного движения... Искореняет революционеров безо всякого стеснения. Напускает террор на низшие классы. Вводит обязательное постановление: нравственные принципы жизни, – немного, правил десять. Но – сурово... Наконец Семен Иванович объявляет себя императором».

Ясно, что Толстой пародирует здесь программу тогдашних европейских фашистов. Ясно, что своего жилистого голенастого героя он уподобляет таракану, которому во время бегства из охваченной гражданской войной России приходит по ассоциации гениальная идея о тараканьих бегах. Ясно, что Невзоров – не только антигерой эпохи, это и обратная сторона (теневая, конечно) Остапа Бендера. Ясно, что автор не только брезгливо ворошит графской тростью грязенькое бельишко души своего героя, но в чем-то и любит его – его жизнестойкостью, его «вечностью». Ведь тараканы – самые древние твари на Земле. И чем-то непотопляемый Невзоров похож, между прочим, на Буратино! «Веселый талант» Алексея Толстого любил витальных персонажей...

А ведь что самое парадоксальное: Невзоров – продукт и дитя революции! Не случись ее, так и доживал бы он мелким питерским клерком с пустыми мечтаньями о «красивой жизни»...

Цитаты

«Семен Иванович с тоненькой усмешечкой ходил, прислушивался, приглядывался. Великие князья, солдаты, жулики, хорошенькие барышни, генералы, бумажные деньги, короны – все это плыло, крутилось, не задерживаясь, как в половодье.

«Тут-то и ловить счастье, – раздумывал Семен Иванович и кусал ноготь, – голыми руками, за бесценок – бери любое. Не плошать, не дремать».

«Нужно торопиться рвануть и свой кусок... и бежать в Европу. Там с хорошими деньгами, – он это знал по кинематографу, – жизнь – сплошное наслаждение».

«Семен Иванович считал себя новым человеком в этой жизни, полной унылых дураков с неventилированными мозгами, набитыми трухой предрассудков о дозволенном и недозволенном».

Экран откликнулся

Фильм «Похождения графа Невзорова» 1983 года (режиссер Александр Панкратов-Черный; в главных ролях: Л. Борисов, П. Щербаков, В. Самойлов).

«Похождения графа Невзорова», 1983 г.

Люди новой и старой России

В. П. Катаев «Уже написан Вертер»

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», запись начала 20-х).

С годами Катаев стал одним из крупнейших и вроде бы преданнейших советскому официозу писателей. Но где-то с середины 60-х он ломает свой стиль, предпочтя писать, как память велит. А память велела не забывать тех страшных дней на исходе гражданской войны, когда он оказался белым офицером, участвовал в белогвардейском заговоре, попал в подвалы Одесской ЧК, и лишь чистая случайность спасла его от расстрела. Повесть «Уже написан Вертер» (1979 г.) – об этом. Ее герои – художник-любитель Дима, участник заговора, и его жена Инга, агент ЧК, предавшая его, а после сама расстрелянная. Погибнет и тот, кто казнит ее. А вот Дима выживет, эмигрирует, но и он умрет в больничке ГУЛАГа уже после Великой Отечественной войны.

Рассказчик здесь, в отличие от героев, знает все наперед и искусно тасует эпизоды, создавая атмосферу эпохи и заражая жаждой жизни нас – жизни, которой в любой миг мо-

жешь лишиться.

Автор явно вступает в спор с героями фадеевского «Разгрома»: люди «новой России» бесчеловечны, аморальны, трусливы. Но прекрасные люди прежней России беспомощны перед ними. И значит, да – все-таки всеми движет «судьба»! Но в 1979 году она уже подкапывалась и под затянувшийся «советский эксперимент».

Цитаты

«Пространство сновидения, в котором он находится, имело структуру спирали, так что, отдаляясь, он приближался, а приближаясь, отдалялся от цели. Улитка пространства».

«Четверо голых один за другим входили в гараж, и, когда входила женщина, можно было заметить, что у нее широкий таз и коротковатые ноги, а в облике четвертого, в его силуете, действительно что-то сохатое. Они были необъяснимо покорны, как все входившие в гараж».

«Как прекрасен, свободен и необъятен был мир, который у него отнимут».

«Стрелка весов колебалась, как жизнь, и маленькие клейменные гирьки мал мала меньше стояли как дети, возле весов, наблюдая за действиями Кейлиса и восхищаясь, как безошибочно точно он оперирует с продуктами, отпущенными революцией для своих граждан...»

«Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж, муче-

ники догмата, вы тоже – жертвы века» (Б. Пастернак).

Гуманно ли новое общество?

П. Ф. Нилин «Жестокость»

Эту повесть Павел Нилин написал в 1956 году, когда стало возможным критиковать культ личности Сталина, а заодно и говорить нелицеприятную правду об «органах». В юности Павел Нилин сам служил в угрозыске. Впечатления тех лет и легли в основу повести.

Итак, начало 1920-х годов, глухой сибирский городишко Дудари. Главный герой повести – комсомолец Венька Малышев, зам. начальника местного угрозыска. «Аккуратный, как птичка», – аттестует его квартирная хозяйка. Но Малышев – чистюля не только в быту. Он искренне верит в людей, в доброе начало в них. Он сам чистый и честный человек, человек будущего, как мыслился он энтузиастами революции, герой новой России. Когда в руки оперативников попадает один из бандитов, Малышев решает, что тот – заблудившийся человек, которого можно перевоспитать. Но «опытное» начальство придерживается другого мнения... Да и методы борьбы с бандитами вполне себе практикуются здесь бандитские.

В повести звучит чуть ли не главная тема хрущевской «оттепели»: спор между доверием к людям и равнодушной жестокостью системы. В конечном счете, доверие к людям, гуманность и моральная чистота воспринимаются автором и

его любимым героем как та необходимость, без которой новый мир невозможен, без которой революция теряет свой смысл. Для Веньки Малышева все кончится трагически, не вынесет его душа контраста между революционным идеалом утверждаемой человечности и практикой «низкой жизни».

А что было бы с самим Венькой, прослужи он в органах еще этак с десяток лет?..

И еще: Павел Нилин – хороший «фактурщик»: быт эпохи и ее типажи передает он точно и сочно.

Цитаты

«В коридоре на зеленой садовой скамейке с выгнутыми чугунными лапами сидели по утрам, пригорюнившись, как на приеме у зубного врача, свидетели и воры в ожидании вызова на допрос».

«Венька жил искренним убеждением, что все умные мастеровые люди, где бы они ни находились, должны стоять за Советскую власть. И если они почему-то против Советской власти – значит, в их мозгу есть какая-то ошибка. Он считал, что и Лазаря Баукина запутали, задурили ему голову разные белые офицеры».

Экран откликнулся

«Жестокость» (1959 г.) – криминальная кинодрама режиссера Владимира Скуйбина по мотивам одноименного произведения П. Ф. Нилина, один из лучших советских фильмов, в котором снялись звезды того времени Г. Юматов, Б. Андреев, Н. Крючков.

«Жестокость», 1959 г.

Новый пугающий мир

Е. И. Замятин «Мы»

Этот роман вызвал бурю среди знакомых писателя: не роман, а целое откровение! Между тем, сам автор удивлялся: «Я лишь последователь Уэллса». Читая книгу сейчас, мы тоже можем удивиться: как, этот сверкающий стеклом высокотехнологичный мир 32 века нашей эры создан фантазией глубоко русского человека, сына священника, в голодном и холодном 1920 году, когда и гражданская война еще не закончилась?!..

Да, картину 32-го примерно века Замятин воссоздал во

многим по калькам Уэллса: и у него будущий мир поражающе технически совершенен, и у него человечество поделено на «цивилизованных» и «дикарей». Но у британского фантаста все это было рассеяно по разным текстам, а Замятин вывел, можно сказать, формулу, согласно которой затем творили свои антиутопии Хаксли, Оруэлл, Брэдбери, братья Стругацкие. И главными слагаемыми этой формулы стали на весь 20 век власть тоталитарного государства и власть техники, которая подчиняет себе душу человека.

...Когда-то на Земле разразилась Великая Двухсотлетняя война, в результате уцелевшие люди поделились на тех, кто остались дикарями в природе, и тех, кто укрылся за Зеленой Стеной городской цивилизации. Здесь создано совершенное Единое Государство, граждане которого отказались от имен и носят золотистые жетоны с «нумерами», живут в стеклянных домах со стеклянной мебелью, на любовные свидания ходят строго по расписанию и согласно предварительной заявке. Все здесь рационально до предела, и единственное, чего не хватает правителю – это насадить такой же совершенный порядок в других галактиках, «просчитать всю Вселенную».

Увы, и в Едином Государстве люди остались людьми: они продолжают внепланово любить, внепланово интриговать, внепланово стремиться к свободе. Главный герой романа гениальный инженер Д-503 влюбился в жилистую актрису I-330 с улыбкой, похожей на укусы, а она оказалась революци-

онеркой, хочет взорвать Зеленую Стену и выпустить на свободу «счастливых» обитателей Единого Государства...

Высокотехнологическими средствами своего искусства Замятин (сам инженер-кораблестроитель) показал: натура человеческая сопротивляется всякому насильственному социальному инжинирингу, такое сопротивление – «в природе людей». «Этот роман – сигнал об опасности, угрожающей всему человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого» (Е. Замятин).

Автор (между прочим, по убеждениям социалист) угодил в ахиллесову пяту советской идеологии. Он доказывал, что революции и гибель так же актуальны для любого нового «совершенного» общества (в том числе, и для нарождавшегося СССР), как и для «проклятого старого мира».

Ясно, что такой роман до советского читателя не дошел, а сам автор умер в эмиграции.

Цитаты

«Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА... стеклянным, огнедышащим, электрическим ИНТЕГРАЛОМ проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной. Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах...»

«Она была в фантастическом костюме древней эпохи: плотно облегающее черное платье, остро подчеркнуто белое

открытых плечей и груди, и эта теплая, колыхающаяся от дыхания тень между... и ослепительные, почти злые губы».

«Закрывши глаза, я мечтал формулами».

«В древнем мире – это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники. смирение – добродетель, а гордыня – порок, и что «МЫ» – от Бога, а «Я» – от дьявола».

«В каждом из нас, нумеров, есть какой-то невидимый, тихо тикающий метроном, и мы, не глядя на часы, с точностью до 5 минут знаем время».

«И я вместе с ним мысленно озираю сверху: намеченные тонким голубым пунктиром концентрические круги трибун – как бы круги паутины, осыпанные микроскопическими солнцами (сияние блях); и в центре ее – сейчас сядет белый, мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья».

Котлован для Вавилонской башни

А. П. Платонов «Котлован»

Повесть писалась в 1930 году. Вся страна, если верить тогдашним советским газетам, с энтузиазмом строила новое, социалистическое общество. Вроде осуществлялись мечты юности Андрея Платонова. А он – вот, написал одно из самых трагических своих произведений. И очень странно, что

после такого текста остался жив. Ведь в год начала первой пятилетки он предрек в своей страшной и страшно ироничной повести крах всего советского проекта!

Ну, в самом деле, что такое «котлован», который роют рабочие в повести – и к этому беспродышному рытью сводится вся их жизнь? Это основание для фундамента будущего «общепролетарского дома». Грядущее обещано им такое светлое, что для его приближения ни своей, ни чужой жизни совершенно не жалко. Советский проект и строился на вечном обещании прекрасного «завтра», во имя которого нужно принести любые жертвы прямо сейчас. Однако Платонов, сам в юности разделивший все утопические идеи революции, «усомнился» в этом проекте. Неслучайно главный герой повести Воцев носит фамилию, которую можно произвести от слов «вотще», «тщетно». Он, Воцев, ровесник автора, простой рабочий человек, который вдруг стал не руками работать, а задумываться. Ну, и ничего хорошего из этого у него не вышло...

Вереница колоритнейших героев пройдет перед нами. Это и «урод капитализма» Жачев (инвалид первой мировой войны), который, как пламя всеобщего пожара, носит в себе свое отчаяние и готов поджечь да хоть все; и работяга Чиклин, умеющий думать лишь руками; и злостный онанист-единоличник Козлов, попытавшийся (индивидуалист такой!) вырваться из общей нищеты посредством делания карьеры; и девочка Настя, которой рабочие как светлому «элементу будущего» устраивают постель в одном гробу, а «красный уголок» для игры в куклы – в другом. Просто кро-

ме случайно найденных гробов другой мебели на стройке светлого будущего нет.

Котлован так и останется ямой, а Настя погибнет. Вотще будут принесены жертвы во имя светлого будущего. Так стоит ли нам и книжку про это читать?

Стоит, очень даже стоит! Потому что никто, как Платонов, не сумел в одном аккорде слить энтузиазм своего времени, его боль, его гнев, его святую простоту и бесконечную, трагическую сложность. И почти каждая фраза этой повести звучит как формула. Короче, за главным смысловым шифром раннесоветской эпохи – нам всем сюда, в эту повесть!

Цитаты

«– Я мог выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

– Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла».

«К бараку подошла музыка и заиграла особые жизненные звуки, в которых не было никакой мысли, но зато имелось ликующее предчувствие, приводившее тело Воцева в дребезжащее состояние радости... Музыка перестала, и жизнь осела во всех прежней тяжестью».

«– Некуда жить, вот и думаешь в голову».

«...устало длилось терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: на-

чало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление. И Вощев ушел в одну открытую дорогу».

«Мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!»

«Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей».

«Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением».

Есть и счастье

А. П. Платонов «Река Потудань»

Тоска – чаще всего это чувство испытывают герои Андрея Платонова. Тоскуют они по куску хлеба, по идеалу, другому человеку, невозможности слиться с народом и природой, тоскуют по будущему, которое безусловно должно быть светлым и счастливым. Эту тоску не нужно путать со скукой: скука – бездеятельна, а у героев Платонова томление созидания. Об этом и самый знаменитый его рассказ «Река Потудань» (1937 г.) – рассказ о сугубо личном, даже интимном. «Трава опять отросла по набитым грунтовыми дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась». Идет по

такой вот дороге красноармеец Никита Фирсов – домой возвращается. «Это был человек лет двадцати пяти от роду, со скромным, как бы постоянно опечаленным лицом – но это выражение его лица происходило, может быть, не от грусти, а от сдержанной доброты характера либо от обычной сосредоточенности молодости».

Он не был дома несколько лет и теперь видит все глазами взрослого человека, прошедшего войну: и постаревшего отца, и покосившиеся без призору домики. Видит и девушку Любу, дочь учительницы. Когда-то отец приходил с ним в гости к учительнице, думая жениться на женщине, да не решился. И теперь Никита томится любовью по ее дочери. Осиротев, Люба стала учиться на врача. Деталь времени: главы учебника она зубрит при свете печки, экономя на керосине. А зубрит – потому что учебники дефицитны, их в библиотеку возвращать надо, лишний раз с полки-то не возьмешь.

Кажется, ничто не мешает Никите и Любе жить вместе, быть счастливыми, наконец. Однако Никите не просто совладать со своим волнением. Даже после свадьбы он не может стать Любе мужем по-настоящему. И снова разлука, похожая для обоих на смерть!

Люба тяжело заболевает, а Никита об этом даже и знать не будет: убежит от позора далеко и сделается тем, кого сейчас мы зовем «бомжом».

Но эта история завершится счастливо. Вопреки обстоя-

тельствам автор подарит своим героям то, что в жизни редко встречается. Ну, и конечно, время, эпоха, которая словно прозрачной стала от голода, у которой голова от голода кружится (но и от надежд!) – приметы этого времени Платонов передает удивительно бережно, трепетно, ведь в начале 20-х и он был юн, и он так верил в возможность обманувшего его счастья!..

Цитаты

«Почти все прохожие, даже те, которые шли под руку, будучи женихами и невестами, имели при себе что-нибудь для хозяйства. Женщины несли в домашних сумках картофель, а иногда рыбу, мужчины держали под мышкой пайковый хлеб или половину коровьей головы либо скупое хранили в руках требуху на приварок. Но редко кто шел в унынии, разве только вовсе пожилой, истомленный человек. Более молодые обычно смеялись и близко глядели в лица друг другу, воодушевленные и доверчивые, точно они были накануне вечного счастья».

«– Вы меня не помните? – спросила Люба.

– Нет, я вас не забыл, – ответил Никита.

– Забывать никогда не надо, – улыбнулась Люба.

Ее чистые глаза, наполненные тайною душою, нежно глядели на Никиту, словно любовались им. Никита тоже смотрел в ее лицо, и его сердце радовалось и болело от одного

вида ее глаз, глубоко запавших от житейской нужды и освященных доверчивой надеждой».

«...бессмысленность жизни, так же как голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце, и надо было понять, что же есть существование людей, это – серьезно или нарочно?»

Экран откликнулся

«Одинокий голос человека» (1987 г.) – первый фильм режиссера Александра Сокурова. В ролях: Т. Горячева, А. Градов и др. В фильме использованы и другие произведения А. Платонова.

Мотивы повести использовал Андрей Кончаловский в фильме «Возлюбленные Марии» (1984 г.), но действие перенесено в США. В главных ролях: Дж. Сэвидж, Н. Кински, К. Кэррадайн.

«Одинокий голос человека», 1987 г.

«Возлюбленные Марии», 1984 г.

**Прощай, вольница неумная!..
Артем Веселый «Реки огненные»**

«Ванька-Граммфон да Мишка-Крокодил такие-то ли дружки – палкой не разгонишь. С памятного семнадцатого годочка из крейсера вывалились. Всю гражданскую войну на море ни глазом: по сухой пути плавали, шатались по свету белу, удаль мыкали, за длинными рублями гонялись».

АНАРХИ
МАТЬ
ПОРЯДКА

Так начинается эта небольшая, но в полном смысле переломная повесть Артема Веселого, опубликованная в 1923 году. Переломная – потому что про лихих «братишек»-«революционных» матросиков писатель вовсе не гимн (но почти поэму в прозе) создал, а сатиру. Со вкусом, с любованием, с легкой тоской по уходящему безбрежью революционной свободы, но сатиру. Возвращаются Ванька с Мишкой на свой «корабль», а там новая команда, новые (точнее, почти прежние, строгие дореволюционные порядки). Там дисциплина, от которой они отвыкли на всю оставшуюся им шальную развеселую жизнь. Сами они на фоне команды – богатыри и ростом и опытом, прямо вольница со стругов Стеньки Разина. А новый призыв – «крупа», «пшено», комсомольцы с какими-то своими собраниями и стенгазетками, со строгим отношением к службе, с серьезной честностью. Но честность – как раз не про них, не про Ваньку с Мишкой. В них удаль удивительно сочетается со шкурностью, вороватостью: голодная жизнь приучила к тому. И с профессиональной безграмотностью: перезабыли они всю морскую науку за годы гражданской войны.

Не приживутся Ванька с Мишкой на корабле, снова канут в вольную житуху, так, кажется, и не поняв, что общая «житуха» в стране сильно меняется, а они со всей своей буйной «революционностью» остались за бортом становящейся советской действительности. Так навеки и бросили богатыри якорь в трех-пяти шальных, ярких годах революции и граж-

данской войны, вольной воли, бескрайней смуты. Уплыл от них крейсер истории. Лузеры? Да нет, почти совсем уголовнички, вечные партизаны отошедшей гражданской смуты... Впрочем, и они с загребущими своими ручищами могут оказаться в тренде времени: на дворе-то НЭП. Но только не на советском военном корабле...

Что же касается колорита эпохи, языка Веселого – судите сами. Это не «проза», а песня, озорная и страстная.

Цитаты

«Ходовые, деловые Мишка с Ванькой, не шпана какая-нибудь. Широкой программы ребятки. Оторвыши разинские, верно. И отчаянность обожают, тоже верно».

«Да и то сказать: бывало, отчаянность не ставилась в укор. Все прикрывал наган и слово простое, как буханка хлеба. Это в наше растаковское времечко телячья кротость в почете. В почете аршин, рубль да язык с локоть (т. е. «новая экономическая политика» с элементами рыночной экономики, НЭП, проводимая Советским правительством в 20-е гг. – В. Б.). Никогда, никогда не понять этого Мишке с Ванькой, не на тех дрожжах заквашены».

«Девочки подбирались на ять. И не подумать, чтобы там насильно или за глотку. Ни-ни... Моряк на такую программу не пойдет. Ну а как это срисует девочку грубую, сейчас к ней

подвалится... , начнет американские слова сыпать: абсолютно, вероятно и так далее. А той известно чего надо, полома-ется немного да и:

– Ах, мое сердце любовью ошпарено!»

«Вволю тешься, сердце партизанское. Кровью плещись по морям, по пыльным дорогам... Полным ртом жри радость. Хлебай гремучие кипящие просторы. Хлебай медовые зерна деньков вольной волюшки».

«Перемигнулась стерва-комиссия – и ну опять, ровно неразведенной пилой:

– Представьте, в главной магистральной цепи сторела осветительная коробка, как исправить?

– И к чему вся эта буза, товарищи? – закричал Ванька. – Не могу спокойно переносить, товарищи... Мое существо тяготится переполнотою технических и политических оборотов... Ах, в бога-господа мать!»

«На другое утро, раздетые и разутые, с тощими мешками на горбах, уходили Мишка с Ванькой. С трапа обернулись, в последний раз любовно оглядели корабль, и в молодую команду, выстроенную на палубе, – глаз занозой:

– Ууу, крупа...

Ваньку-Граммфона и Мишку-Крокодила провожали загорелые глаза. В глазах мчались новые ветра и пересыпалось молодое солнце».

Сквозь прицел сатиры

И. А. Ильф, Е. П. Петров «Двенадцать стульев», «Золотой теленок»

Культовый роман советской сатиры – «Двенадцать стульев» – явился на свет почти незаконнорожденным, почти как подкидыш. Отправляясь на юга в 1927 году, известный уже писатель Валентин Катаев предложил своему брату Евгению Петрову и его другу Илье Ильфу набросать черновик романа-фельетона с детективным заворотом сюжета. Тема: охота за сокровищами, спрятанными в одном из двенадцати стульев. Результаты труда «литературных негров» потрясли Катаева: за несколько месяцев «начинающие» родили шедевр! Сага о «великом комбинаторе» товарище Бендере и его спутнике бывшем предводителе «команчей» Кисе Воробьянинове – кто ж и теперь не знает, не любит ее?

Пересказывать сюжет не имеет смысла. Напомним лишь некоторые моменты. Перед нами блестящая цепь фельетонов, в каждом из которых вздрючен и высмеян какой-нибудь типаж старой, отходящей России и новой России, советской. Досталось, между прочим, и самому несостоявшемуся отцу шедевра Валентину Катаеву – он с женой выведен здесь как инженер Брунс + его супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.